

Л.Н. Славина*

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СИБИРИ
ПО ИТОГАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
1926 ГОДАdoi:10.31518/2618-9100-2025-5-18
УДК 94:314(02+04+8.062)"19/20"+930

Выходные данные для цитирования:

*Славина Л.Н. Переселенческое общество Сибири по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года // Исторический курьер. 2025. № 5 (43). С. 207–221.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-18.pdf>*

L.N. Slavina*

THE SIBERIAN MIGRATION SOCIETY BASED
ON THE RESULTS OF THE ALL-UNION POPULATION
CENSUS OF 1926

doi:10.31518/2618-9100-2025-5-18

How to cite:

*Slavina L.N. The Siberian Migration Society Based on the Results of the All-Union Population Census of 1926 // Historical Courier, 2025, No. 5 (43), pp. 207–221.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-5-18.pdf>]*

Abstract. The formation of a migrant society in Siberia is examined for the first time using the results of the 1926 All-Union Population Census. The focus is on population as the material foundation of society, viewed as the product of close interactions over centuries of natural growth in the region and multiple migration streams. The process of migration to Siberia from the second half of the 19th century to 1926 is reconstructed, with seven stages identified. The volume and average annual intensity of migration at each stage are determined, along with the factors that determined their outcomes. The role of intra-Siberian and international migration in the growth of Siberian society is demonstrated. The contribution of natives of various territories of Russia/the USSR to its formation and the role of indigenous Siberians in shaping the population of other regions of the country are determined. The geographic distribution of migrants across the Siberian region is analyzed, and their share in the population of each of the 20 Siberian districts is determined. The census provides an interim summary of the formation of Siberia's migrant community by the mid-1920s, a socio-demographic profile of Siberian society, and an assessment of its potential as a subject of the nascent Stalinist modernization in the USSR and Siberia as an integral part of it. The article demonstrates that there were no fundamental differences in the formation of Siberian migrant society between the pre-revolutionary and Soviet periods. Agrarian migration played a decisive role up until the census. Migrants from rural areas formed both a rural population in their new location and, more importantly, an urban one. Siberian society as a whole emerged in the census as traditional and agrarian in all its basic characteristics, due to the absolute predominance of rural residents (87 % of its population). However, its urban portion (13 %), two-thirds of which consisted of migrants, already showed signs of early modernization. The socio-demographic characteristics of rural and urban parts of Siberian society are compared, as are the role of migrants in their population growth and structural changes. The degree of dependence of each on the migrant factor is identified. The article highly appreciates the informational potential of the 1926 census results and concludes that their immediate introduction into scientific circulation is essential.

Keywords: Siberia, migrant society, population, socio-demographic structure, migrations, non-local natives, 1926 population census.

* **Людмила Николаевна Славина**, доктор исторических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, e-mail: 200146@nail.ru
Lyudmila Nikolaevna Slavina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: 200146@nail.ru

The article has been received by the editor on 26.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Проблема формирования в Сибири переселенческого общества впервые исследуется по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. В фокусе внимания находится население как материальная основа общества. Оно рассматривается как продукт тесного взаимодействия в течение веков естественного прироста в регионе и нескольких потоков миграции. Реконструирован процесс переселений в Сибирь со второй половины XIX в. до 1926 г., в нем выделены семь этапов. Установлены объемы и среднегодовая интенсивность переселений на каждом этапе, факторы, определявшие их результаты. Показана роль внутрисибирских и внешних миграций в росте численности сибирского социума. Определен вклад уроженцев разных территорий России/СССР в его формирование и роль коренных сибиряков в формировании населения других регионов страны. Проанализирована география размещения переселенцев по территории Сибирского края, определена их доля в населении каждого из 20 сибирских округов. По результатам переписи подведены промежуточные итоги формирования переселенческого общества в Сибири к середине 1920-х гг., дана социально-демографическая характеристика сибирского социума, оценен его потенциал как субъекта начинающейся сталинской модернизации в СССР и в Сибири как его неотъемлемой части. В статье показано, что принципиальных различий в формировании сибирского переселенческого общества в дореволюционный и советский периоды не было, решающую роль вплоть до момента переписи играла аграрная миграция, мигранты – выходцы из деревни – на новом месте формировали не только сельское население, но и, что еще важнее, городское. Сибирский социум в целом предстал в зеркале переписи как традиционный аграрный по всем базовым характеристикам из-за абсолютного преобладания в нем сельских жителей (87 % его численности). Но в его городской части (13 %), на две трети состоявшей из переселенцев, уже видны следы ранней модернизации. Проведены сравнения социально-демографических характеристик сельской и городской частей сибирского социума, роли переселенцев в росте их численности и в изменении структур, выявлена степень зависимости каждой от переселенческого фактора. В статье высоко оценены информационные возможности итогов переписи населения 1926 г. и сделан вывод о необходимости скорейшего введения их в научный оборот.

Ключевые слова: Сибирь, переселенческое общество, население, социально-демографическая структура, миграции, неместные уроженцы, перепись населения 1926 г.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025 г.

Постановка проблемы. Превращение постсоветской России в страну мигрантов, вызвавшее многочисленные изменения в российском обществе, резко актуализировало, и не только в научном, но и в практическом плане, исследование всех проблем переселенческих обществ на любых территориях и исторических этапах развития. Особый интерес вызывают характер и специфика сибирского общества, складывавшегося на протяжении веков как переселенческое, в котором жизненно важным фактором формирования, развития и самого существования являлась миграция. Хотя издано большое число ценных в содержательном и концептуальном плане работ, где освещаются основные аспекты его истории¹, сибирское

¹ Из последних работ нужно выделить: Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009; Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011; Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск, 2011; Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы

общество и его региональная специфика изучены еще далеко не полно. Так, все знают, что основа этого общества – население Сибири – создавалась «пришельцами» со всех концов страны с последующим их смешением с местными жителями. Но ход и результаты этого процесса, социально-демографические характеристики сибирского общества и его ключевые параметры в разные исторические периоды, особенно на сломах эпох, известны недостаточно. Главная причина этому, на наш взгляд, в недостатке источников информации. Однако и имеющиеся, например итоги всеобщих переписей населения, как следует не используются.

В данной работе сделана попытка оценить вклад переселений в формирование населения Сибири во второй половине XIX – первой четверти XX в., поэтапно проследить этот процесс и дать оценку социально-демографического качества сибирского переселенческого общества в середине 1920-х гг. на основе итогов Всесоюзной переписи населения 1926 г. По числу показателей и временному охвату этому источнику нет равных. Он содержит демографические, социальные, экономические, этнокультурные характеристики населения, дифференцированные по полу, возрасту, месту жительства, причем в достаточно мелких масштабах – в разрезе районов и округов. В итогах переписи нет сведений о миграциях в динамике. Но в них зафиксированы окончательные результаты переселений (без промежуточных переездов), крайне ценные для изучения переселенческих обществ. Переписи 1926 г. давно и единодушно дана самая высокая оценка за качество и достоверность результатов². Но их очень мало используют историки в Сибири, чаще в общих работах и редко – в других регионах России³.

Все основные расчеты в работе сделаны по итогам переписи, опубликованным в томе XL⁴. Население Сибири рассматривается в границах Сибирского края, образованного в 1925 г. на месте упраздненных шести губерний и разделенного на 19 округов и Ойротскую автономную область (в переписи – Ойратская). Сейчас это территория Алтайского и Красноярского краев, Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской, Иркутской и части Тюменской областей, республик Алтай и Хакасия.

в Сибири в XX – начале XXI в. Новосибирск, 2012; Дятлов В.И., Григоричев К.В. Принимающее общество и трансграничные мигранты // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 88–91; Бреславский А.С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 92–99; Дегтярев Д.С. Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 100–107; Гузей Я.С. «Желтые народы» во взглядах русского православного духовенства в конце XIX – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 108–116; Михалев А.В. Из Сибири в Монголию, или русские как меньшинство в условиях социалистической модернизации // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 117–127; Дерига Е.С. Культурная гетерогенность или конфликт культур? К вопросу об интеграции учащейся молодежи из ближнего зарубежья в местное сообщество // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 128–136; Кривилева О.Г. Мультикультурализм в европейском кино: стихийный процесс или политический заказ? // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 137–144; Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2012; Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск, 2013; Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2014; Соболева С.В., Григорьев Ю.А., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Особенности формирования населения приграничных территорий Сибири // ЭКО. 2014. № 11. С. 20–35; и др.

² Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35; и др.

³ Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. М., 2000. Т. I: 1900–1939.; Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. 2-е изд., стер. М.; Берлин, 2019; Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997; Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Новосибирск, 2017. С. 56–69; и др.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Отдел. III. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность. М., 1930. С. 38–225.

Основные параметры сибирского общества в середине 1920-х гг. Перепись, учтившая состояние населения на 17 декабря 1926 г., проводилась «на сломе эпох» – на старте реализации «курса на строительство социализма в СССР» (сталинской модернизации). Ее результаты зависели в конечном счете от количества и качества населения в стране и в каждом ее регионе. Согласно переписи, в тот момент в Сибирском крае жило 8 687 939 чел. Край еще был очень слабо урбанизированной территорией, а сибиряки – слабо урбанизированным социумом. 87,0 % из них (7 556 009 чел.) проживали в сельской местности и лишь 13,0 % (1 131 930 чел.) – в городской. Сибирский социум был «глубоко» сельским и по месту рождения абсолютного большинства его членов. 91,3 % населения края появились на свет в деревнях и только 8,5 % – в городских поселениях, где в большинстве своем и жили. Уроженцев городов в деревнях края было очень мало – лишь 1,5 % от общего числа сельских жителей (113 982 чел.)⁵. О причинах их появления там можно гадать (переехали в годы военного лихолетья и задержались, были направлены на работу и т.д.). Важнее то, что «городское начало» в их лице присутствовало в сельской местности очень слабо.

Запечатленный переписью 1926 г. сибирский социум являлся продуктом, сформировавшимся в течение столетий при участии нескольких потоков внутренней и внешней (по отношению к Сибирскому региону) миграции. Ее следы зафиксировала перепись, разделившая все население края на местных и неместных уроженцев. К местным были отнесены лица, рожденные и непрерывно проживавшие в том месте, где их застала перепись, к неместным – переселенцы, сменившие место своего рождения, и возможно не раз.

Все жители Сибирского края, включая переселенцев, в абсолютном большинстве родились на территории Советского Союза. Но также обнаружилось 148 879 чел. (1,7 % всего населения), рожденных за границей. В данном случае «заграницей» выступали территории бывшей Российской империи, не вошедшие в состав СССР, например Польша, Прибалтика или Бессарабия, выделенная в итогах переписи особо. В крае было учтено 2 742 ее уроженца⁶. «Настоящими» иностранцами были единицы.

Перепись зафиксировала ключевой признак переселенческого общества Сибири – высокий удельный вес неместных уроженцев в составе населения. На первый взгляд, этот показатель в целом по краю был не очень высок – 39,8 %, переселенцами являлись 3 428 680 чел. А 60,2 % жителей (5 184 764 чел.) не покидали мест, где родились⁷. Таким образом, в середине 1920-х гг. главным источником роста населения Сибири был естественный прирост. А механический – приток мигрантов – имел подчиненное значение. Однако в формировании качеств сибирского социума роль переселенцев, безусловно, была значительно важнее, чем в его росте. Дело в том, что больше половины – 58,0 % местных уроженцев составляли дети в возрасте 0–14 лет, рожденные в Сибири, в том числе и переселенцами. Из-за их многочисленности удельный вес неместных уроженцев в целом был сравнительно низким. Однако во всех взрослых возрастах, которые и определяли устройство общества, местные уроженцы являлись меньшинством, а большинство составляли переселенцы: среди 20–29-летних жителей края их было 52,6 %, 30–39-летних – 63,5 %, 40–49-летних – 69,1 %, 50–59-летних – 71,0 %, 60–69-летних – 71,6 %, старше 70 лет – 68,2 %⁸. То, что взрослая часть населения на две трети состояла из лиц, живших не в местах своего рождения, в первую очередь придавало сибирскому социуму переселенческие черты.

Среди неместных были лица, рожденные в Сибири и менявшие место жительства внутри края, и мигранты, прибывшие из-за его пределов. Численность этих двух групп и их вклад в формирование населения Сибири значительно различались. Внутрисибирские переселенцы насчитывали 928 005 чел. и составляли менее трети общей численности неместных уроженцев (29,4 %), остальные 2 227 409 чел. (70,6 %) являлись выходцами из других частей

⁵ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XL... С. 38, 152.

⁶ Рассчитано по тому же источнику. С. 38, 152.

⁷ Рассчитано по тому же источнику. С. 60.

⁸ То же.

страны. Эти две группы резко различались составом по полу, что частично проливает свет на причины переселений. У внешних переселенцев было почти идеальное соотношение полов. Это позволяет считать, что они в большинстве переезжали семьями, основательно, с целью «пустить корни» в Сибири. У внутрикраевых переселенцев мужчины составляли 40,9 %, женщины – 59,1 %⁹. Можно предположить, судя по такой диспропорции, что причины переселения у многих сибирячек были личными, скорее всего, заключение брака и переезд на место жительства мужа.

Несмотря на все катаклизмы первой четверти XX в., население Сибири стабильно увеличивалось, в том числе за счет механического прироста. Кто ехал на восток страны и зачем? Перепись отчасти ответила на эти вопросы, показав, что вплоть до конца 1926 г. внешние переселенцы прибывали в основном в сельскую местность и закреплялись там. Следовательно, миграционная привлекательность сибирских территорий все еще сохраняла традиционную аграрную социально-экономическую основу, мигранты ехали с целью создания на новом месте своего сельского хозяйства. В сельской же местности происходило и большинство внутрикраевых перемещений. Перепись учла в деревнях 83,7 % из имевшихся в крае неместных уроженцев, в городской – 16,3 %. В результате внешней (и отчасти внутрикраевой) миграции только за 1921–1926 гг. в деревнях появилось 857 877 новых неместных уроженцев – 11,4 % от общей численности сельских жителей края в 1926 г.¹⁰ И это при том, что сельскохозяйственное переселение в Сибирь официально было открыто только в 1925 г.

Динамика формирования переселенческого общества. По итогам переписи можно реконструировать достаточно точную пространственно-временную картину размещения неместных уроженцев на постоянном месте жительства в крае начиная со второй половины XIX в. В табл. 1 указано, когда и в каком количестве переселенцы (в % от их общей численности в 1926 г.) осели в том месте, где были переписаны. Конечно, к тому времени многие из прибывших уже ушли из жизни, а их потомки стали местными уроженцами. Но общее представление о характере динамики формирования переселенческого общества Сибири эти цифры могут дать.

Таблица 1

Количество и время поселения неместных уроженцев в Сибирском крае, в %

Показатель	Год поселения										
	1926	1925	1924	1921–1923	1917–1920	1914–1916	1907–1913	1897–1906	до 1897	не указано	итого
Всего	7,7	7,0	6,3	15,1	12,6	5,3	22,9	11,1	10,1	1,9	100,0
За год в среднем	7,7	7,0	6,3	5,0	3,1	1,8	3,3	1,1	–	–	–

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 60.

Судя по данным табл. 1, заселение Сибири со второй половины XIX в. «не давало сбоев», но процесс был неравномерно по годам. Между востоком и западом страны еще до постройки Транссиба шло интенсивное движение населения. Многие мигранты, как известно, не приживались и возвращались назад. Но значительная часть оставалась в новых краях. Те, кто осел в Сибири ранее 1897 г., составляли десятую часть (10,1 %) всех неместных уроженцев в крае на момент переписи. На поселенцев времени постройки Транссиба (1897–1906 гг.) приходилась еще одна десятая часть (11,1 %).

Как и следовало ожидать, в дореволюционный период наиболее интенсивной и результативной оказалась волна столыпинского переселения в 1907–1913 гг. За эти 7 лет осела в Сибири почти четверть всех имевшихся в крае неместных уроженцев (22,9 %). Спад интенсивности завершающихся переселений в 1914–1916 гг. можно отнести на счет препятствий, связанных с Первой мировой войной. В целом же миграции в Сибирь в те годы были очень

⁹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XL... С. 72, 152.

¹⁰ Рассчитано по тому же источнику. С. 38, 152.

активными и многоликими, но малорезультативными для прироста населения. В общей сложности неместные уроженцы, поселившиеся в дореволюционный период, составляли половину (51,3 %) их общекраевой численности в 1926 г. Они прожили на территории Сибирского края больше 10 лет, преодолели все невзгоды, вызванные войной и революцией, судя по всему, основательно «пустили корни» и на полных основаниях могли считаться старожилами.

Переселенцы советского периода (1917–1926 гг.) составляли вторую половину (48,7 %) неместных уроженцев в крае. Несмотря на то, что в течение большей части этого срока Сибирь была официально закрыта для переселений, три года шла гражданская война, очень сложным было начало 1920-х гг., объемы ежегодных переездов стремительно нарастали (см. табл. 1). Они резко увеличились в 1917–1920 гг., наверняка стимулированные революционными событиями, в частности попытками решения земельного вопроса, и почти достигли среднегодовой интенсивности столыпинских переселений. Миграционный оборот во всех потоках еще больше вырос в 1921–1923 гг. Он был вызван окончанием войны (люди возвращались из Сибири в другие районы страны), всеобщей разрухой и голодом, поразившим не только европейскую часть России, но и многие территории Сибири, и тоже поднявшим народ с обжитых мест. Остаточный результат этих миграций оказался солидным. В эти три года осели на постоянное место жительства 15,1 % от общей численности переселенцев.

По мере восстановления мирной жизни росли ежегодные объемы перемещений людей. Потоки миграции с запада на восток страны быстро увеличивались и становились более результативным. Их дополняли растущие в масштабах внутрисибирские перемещения. Увеличивался поток мигрантов в города. В общей сложности новоселы 1924–1926 гг. составили более пятой части (21,0 %) всех неместных уроженцев в крае, а вместе с переселенцами 1921–1923 гг. – свыше трети (36,1 %). О новоселах 1920-х гг. в первую очередь можно сказать, что для многих переезды не стали завершенным событием в их жизни даже на ближайшие годы. Итоги переписи 1926 г. и другая статистика показывают Сибирь территорией с непрерывно перемещающимся населением, причем с ускорением динамики миграций (см. табл. 1).

В то же время сибирский социум при всей его подвижности в зеркале переписи предстал упорядоченным и организованным. За время восстановления народного хозяйства Сибирь покинули переполнявшие ее в начале 1920-х гг. временные переселенцы и беженцы Первой мировой и гражданской войн, «голодобеженцы» первых послевоенных лет. Социум стабилизировался. Перепись учла в крае лишь 142 781 «временно проживающего» (1,6 % населения), в основном в деревнях. Это были мигранты, еще не устроившиеся на новом месте. Все остальные числились постоянными жителями. Сибирь еще не пришла в движение, вызванное «началом строительства социализма». Это предстояло ей через несколько лет. А пока сибирский социум на короткое время стал стабильным, но это не стерло его ярко выраженных переселенческих черт.

Роль территорий СССР в формировании сибирского общества. Перепись показала, какой вклад в формирование населения Сибири внесли уроженцы (не жители!) разных территорий (в переписи – районов) СССР¹¹. Эта информация очень значима, поскольку география мест рождения переселенцев влияла на характер их взаимодействия с местным населением в повседневной жизни, на социальные и экономические отношения, на механизмы их формирования, определяла этнокультурные контакты. В крае были представлены уроженцы практически всех территорий СССР, но очень непропорционально. Если принять за 100 % все 2 227 409 чел., прибывших в Сибирь из-за ее пределов начиная со второй половины XIX в., то среди них больше всего оказывается уроженцев Центрально-Черноземного (18,1 %), Средневолжского (13,4 %), Центрально-Промышленного (10,6 %) и Вятского (6,5 %) районов РСФСР. Вместе они составили почти половину (48,6 %) внешних переселенцев.

¹¹ Расчеты по этому разделу сделаны по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 152.

На удивление мало переселялось в Сибирский край людей, родившихся «по соседству» с ним. Уроженцы Дальнего Востока составили лишь 0,7 % внешних переселенцев, Бурят-Монголии – 0,4 %, Якутии – 0,15 %. Значимой величиной – 7,6 % – отметился лишь Урал.

Из союзных республик много своих уроженцев дали Белоруссия (12,0 %) и Украина (13,4 %, в том числе 6,8 % – ее Левобережный район). Вклад остальных республик (автономных и союзных) в формирование сибирского социума был крайне мал. Сибирь почти не привлекала уроженцев Казахстана и Средней Азии. Рожденные в Казакском районе РСФСР (позднее Казахская ССР) составили лишь 1,19 % внешних переселенцев, в Узбекском районе – 0,04 % (834 чел.), в Киргизском – 0,02 % (536), в Туркменском – 0,01 % (233 чел.). 1 576 уроженцев трех союзных республик Закавказья составляли 0,07 % переселенцев. Учитывая ничтожные объемы встречной миграции из Сибири на эти территории, можно считать, что связи между ними практически отсутствовали.

Уроженцы Сибири в переписи выглядят хорошо укорененной частью социума. Они были не очень подвижными, переезжали сравнительно редко. Перепись учла среди них всего 1 168 874 чел., поменявших место жительства. В основном они переселялись внутри края и лишь пятая часть (240 869 чел.) покинула его пределы. Из них 22,4 % осели на Дальнем Востоке, 18,4 % – в Казахстане, 8,3 % – на Урале, 8,3 % – в Бурят-Монголии, 6,3 % – в Центрально-Промышленном районе, 6,0 % – на Северном Кавказе. На остальных территориях РСФСР и других союзных республик сибиряков было мало, 1–4 тыс., редко чуть больше.

Сибирь предстает гигантским миграционным реципиентом многих районов России и двух союзных республик СССР. Согласно переписи, в нее переселилось в 10 раз больше людей, чем уехало в другие районы страны ее уроженцев. Получив 2 227 409 мигрантов-доноров, она лишилась только 240 869 чел. Особенно неэквивалентным был обмен с главными территориями-«поставщиками» мигрантов. Так, в Сибири жили 403 840 уроженцев Центрально-Черноземного района, а туда переселились 4 024 сибиряка – в 100 раз меньше. Средне-Волжский район дал краю 299 116 своих уроженцев, а получил из него 11 641 чел. – в 25 раз меньше. Белоруссия «обменяла» 267 811 чел. на 4 155 сибиряков (65:1), Украина – 298 872 на 19 423 чел. (15:1). Небольшое отрицательное миграционное сальдо Сибирский край имел лишь в обмене населением с Дальним Востоком, куда переехали 53 870 его уроженцев, а оттуда в край прибыли 16 436 чел. – в 3,3 раза меньше, и с Бурят-Монголией (19 887 и 9 774 чел. соответственно). В Казахстане перепись обнаружила 44 239 чел., рожденных в Сибири, а в край переселились 26 579 его уроженцев. Но, возможно, многие из сибиряков оказались в Казахстане автоматически в результате передачи ему большой территории Южной Сибири в 1920-х гг. Таким образом, говорить о заметном вкладе сибиряков в формирование населения других районов страны нельзя. Практически со всех территорий в Сибирь приезжало во много раз больше людей, хотя по природным условиям и климату места поселения в крае, как правило, проигрывали местам выхода переселенцев.

Размещение переселенцев в Сибири и их роль в жизни округов. Переселенцы на сибирских просторах размещались неравномерно (табл. 2). Их больше привлекала более благоприятная в природно-климатическом отношении Юго-Западная Сибирь. Там перепись учла 60,5 % из всех неместных уроженцев края. Но надо заметить, что примерно в той же пропорции распределялось по территории и все сибирское население. Наибольшее число переселенцев было учтено в Новосибирском и Омском округах – более пятой части (21,0 %) их общекраевой численности, что объяснимо. На этих территориях шла самая активная и разнообразная экономическая жизнь, имелось больше перспектив во всех отношениях. Омск являлся самым крупным городом Сибири, Новосибирск недавно официально стал сибирской столицей. Большая концентрация переселенцев (15,2 %) была зарегистрирована на Алтае, в Барнаульском и Бийском округах, где имелись лучшие в Сибири условия для ведения сельского хозяйства. В соседних с ними степных и лесостепных юго-западных округах размещалось примерно одинаковое число неместных уроженцев – по 4,6–5,6 % в каждом.

Таблица 2

Распределение неместных уроженцев по округам Сибирского края в 1926 г.

№ п/п	Округ	% неместных уроженцев в населении		№ п/п	Округ	% неместных уроженцев в населении	
		округа	края			округа	края
	Юго-Западные	–	60,5		Северо-Восточные		39,5
1.	Барабинский	31,6	4,6	11.	Ачинский	36,6	4,2
2.	Барнаульский	40,3	8,2	12.	Иркутский	33,7	4,7
3.	Бийский	32,4	7,0	13.	Канский	42,4	4,7
4.	Каменский	42,0	5,5	14.	Киренский	27,1	0,4
5.	Новосибирский	46,8	10,8	15.	Красноярский	40,8	4,4
6.	Омский	42,5	10,2	16.	Кузнецкий	49,0	5,8
7.	Рубцовский	43,9	5,4	17.	Минусинский	37,4	3,5
8.	Славгородский	44,6	5,6	18.	Томский	39,8	8,4
9.	Тарский	27,0	2,2	19.	Тулунский	38,7	2,5
10.	Ойротская АО	34,1	1,0	20.	Хакасский	33,9	0,9
				Всего в крае		–	100,0

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 88–146.

В Северо-Восточной Сибири больше всего переселенцев осело в Томском округе (8,4 %), заметно меньше – в Кузнецком (5,8 %). В большинстве остальных округов этой части края, расположенных вдоль Транссиба, их число было примерно одинаковым – чуть более 4 %. Наименьшее количество неместных уроженцев, всего 13 358 чел. (0,4 % от обще-краевой численности), было зарегистрировано в гигантском, но абсолютно неосвоенном таежном Киренском округе. Примерно по 1 % переселенцев учтено в Ойротии и Хакасии. Переезд в них сдерживал, кроме прочего, особый национальный состав населения – высокий удельный вес титульных народов (алтайцев и хакасов) и более низкая, чем в остальных округах, доля русских.

Удельный вес неместных уроженцев в населении округов и их роль в жизни на этих территориях тоже сильно различались (см. табл. 2). Переселенцы составляли более чем по 40 % в общей численности жителей шести округов в Юго-Западной Сибири и трех – в Северо-Восточной, причем как промышленных, так сельскохозяйственных. В восьми округах и Ойротской АО их удельный вес колебался между 30 и 40 %, еще в двух составлял менее 30 %. Самый высокий показатель – 49,0 % – отмечался в Кузнецком округе, где уже начиналось промышленное освоение территории, стимулировавшее переезды, самый низкий – по 27 % – в Киренском и Тарском округах. В Ойротии и Хакасии неместные уроженцы составляли треть жителей.

Социально-демографический облик социума. Установленные переписью параметры демографической структуры населения края однозначно свидетельствовали о переселенческом характере сибирского общества. Его базовый признак – нестабильность демографической структуры и отклонение ее от стандартов – ярко проявился в специфических пропорциях полов. В крае по переписи жило 4 270 494 мужчины (49,2 % населения) и 4 417 445 женщин (50,8 %)¹². Соотношение их численности было неестественно гармоничным, учитывая, что край вместе со всей страной совсем недавно пережил Первую мировую и гражданскую войны, катастрофический голод начала 1920-х гг. На населении

¹² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 38–39.

РСФСР в целом эти события оставили глубокий след: мужчины составляли 47,7 %, женщины – 52,3 %¹³.

Пережитые катаклизмы не прошли бесследно и для населения Сибирского края. В нем тоже образовались весьма специфические диспропорции по полу почти во всех возрастных группах (табл. 3). И проявились они уже в детских возрастах. Нормальной в демографическом плане была лишь группа детей в возрасте 0–4 года. Рожденные в 1922–1926 мирных годах, они намного превосходили по численности остальные детские группы и имели нормальное соотношение полов – мальчиков было чуть больше, чем девочек. На группе 5–9-летних детей, родившихся в 1917–1921 гг., отразились все тяготы тех лет. По численности она была на 30,7 % меньше, чем смежная младшая группа, и на 4,1 % меньше смежной старшей. Причиной такого провала стало падение рождаемости и рост младенческой и детской смертности в годы появления этой когорты на свет. Из-за больших потерь в этой группе мальчиков стало меньше, чем девочек, как известно, более жизнестойких. Напротив, в группе детей в возрасте 10–14 лет, рожденных в 1912–1916 гг., мальчиков было неестественно много. Добавив к этому небольшую численность группы, можно считать, что она тоже понесла потери, и немалые.

Таблица 3

Структура населения Сибирского края по полу и возрасту в 1926 г., в %

Возрастная группа, лет	Удельный вес полов в группе		Удельный вес группы в населении	Возрастная группа, лет	Удельный вес полов в группе		Удельный вес группы в населении
	муж.	жен.			муж.	жен.	
0–4	50,1	49,9	16,7	30–39	48,9	51,1	10,9
5–9	49,9	50,1	11,7	40–49	50,2	49,8	8,1
10–14	50,6	49,4	12,1	50–59	46,9	53,1	5,7
15–19	48,9	51,1	11,6	60–69	48,6	51,4	4,1
20–29	47,5	52,5	16,7	70 и ст.	48,0	52,0	2,3
				0–100	49,2	50,8	100,0

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 38–39.

С 15–19-летнего возраста (1907–1911 гг. рождения) начиналось значительное преобладание женщин. Лица из этой группы во время катаклизмов 1910-х гг. были еще детьми, мальчики не гибли на фронте и от других внешних воздействий, как взрослые мужчины – первые жертвы всех пертурбаций. Главными факторами и причинами мужской сверхсмертности у 15–19-летних тоже были, наверняка, голод и болезни, гораздо чаще уносившие жизни мальчиков как биологически более слабых. Это касается и большей части группы 20–29-летних, которым в 1910-х гг. было 10–19 лет и они в большинстве своем тоже не воевали. Но диспропорция полов у них оказалась даже глубже, чем в старших поколениях (70 лет и более), аккумулировавших в себе все невзгоды долгой жизни. Этот демографический факт – еще одно важное дополнение к характеристике «цены» гражданской войны. Трудно представить, насколько качественнее было бы впоследствии население Сибири (и всего СССР), если б не были так травмированы младшие поколения.

Соотношение полов в остальных возрастных группах, которые все испытания первой четверти XX в. проходили взрослыми, было ожидаемым: почти везде преобладали женщины. Но поражают резкие различия в пропорциях полов по возрастам. Наибольшие мужские потери перепись зарегистрировала в группе 50-летних (рожденных в 1867–1876 гг.): на 1 000 женщин в ней приходилось лишь 883 мужчины. Зато в смежной группе 40-летних мужчины даже слегка преобладали – 1000:1007. У 30-летних была точно такая же пропорция по полу, как у 15–19-летних, что не встречается в обычных условиях, – 1 000 женщин и 958 мужчин.

¹³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IX. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1929. С. 2.

Также непривычно малой была диспропорция полов в старших возрастах. В группе 60-летних на 1 000 женщин приходилось по 944 мужчины, у лиц старше 70 лет – по 922. Таким образом, в структуре населения по полу во всех возрастах, кроме самого младшего, виден яркий след сильных негативных внешних воздействий, нарушивших основные демографические закономерности. Но в целом соотношение полов во всем населении достаточно пропорциональное. Это в очередной раз предупреждает от использования только общих показателей.

Возрастная структура сибирского социума, в отличие от структуры по полу, в целом имела высокое качество и по краю, и по округам. Он был молодым и имел хорошие пропорции между возрастными группами. Лица старше 60 лет составляли в социуме 6,4 %, дети моложе 15 лет – 40,5 %. Остальные 53,1 % относились официально к трудоспособному населению, хотя на практике границ трудоспособности в Сибири тогда не существовало. Теоретически трудоспособная часть сибиряков имела большую демографическую нагрузку, им нужно было «кормить» почти половину социума. Но структура их «иждивенцев» была очень благоприятной, с хорошими перспективами для развития края. На каждого «старика» в возрасте 60 лет и более приходилось по 6,23 ребенка, т.е. новые «кормильцы» подрастали в большом количестве. Однако в качественной возрастной структуре сибиряков был крупный изъян: на их половозрастной пирамиде (и населения РСФСР тоже) образовалась демографическая яма из-за малочисленности группы 1917–1921 гг. рождения. На рубеже 1930–1940-х гг. эта группа вступила в наилучший репродуктивный возраст, и малая численность женщин в ней стала одной из основных причин падения рождаемости во время Великой Отечественной войны.

Городская часть сибирского социума. Итоги переписи позволяют в подробностях охарактеризовать городскую часть сибирского социума и оценить роль переселенческого фактора в ее формировании и развитии. На территории края перепись учла 32 024 деревни разных размеров и только 75 городов. При этом лишь два города относились к категории больших (с населением свыше 100 тыс. чел.) – Новосибирск (121 тыс.) и Омск (141 тыс.). Иркутск, Томск, Барнаул и Красноярск насчитывали от 70 до 100 тыс. жителей, еще четыре города – от 20 до 50, двенадцать – от 10 до 20 тыс. В каждом из остальных 53 городских поселений проживало от 500 до 10 тыс. чел. По размерам они не отличались от деревень. Так, людность от 5 до 10 тыс. в крае имели 21 город и 45 деревень, от 2 до 5 тыс. – 14 городов и 493 деревни¹⁴.

Перепись показала, кто именно давал жизнь этим городам. Как и везде, численность населения городов регулировалась естественным и механическим приростом. Роль каждого точно оценила перепись. По ее итогам, из 1 131 930 чел., проживавших в городах края, 36,8 % (416 718 чел.) являлись местными уроженцами, 61,8 % (699 254 чел.) – неместными, переселенцами, а 1,4 % (15 958 чел.) не указали свой статус¹⁵. Следовательно, естественный прирост обеспечила городам лишь треть населения, а две трети дал приток мигрантов.

Городские неместные уроженцы, как и сельские, состояли из внешних переселенцев и внутренних – вчерашних крестьян, вытолкнутых из сибирских деревень и востребованных городами. «Своих» крестьянских ресурсов для роста городов в крае было мало, тем более для обеспечения высоких темпов начинающейся индустриализации. Ситуацию спасали переселенцы из других регионов страны, многие из которых попали в города транзитом через сельскую местность края, не сумев там осесть и завести хозяйство. Причем именно внешние переселенцы составляли основную массу городских новоселов – 59,2 %, а рожденных в Сибири было 40,8 %¹⁶. Таким образом, городское население Сибирского края прирастало не только и не столько «своей» деревней, сколько переселенцами, прибывавшими преимущественно из-за Урала.

¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Отдел. I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. С. 7.

¹⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 70.

¹⁶ Рассчитано по тем же данным.

Процесс переселений в сибирские города по сравнению с переселениями в сельскую местность края имел особую динамику (табл. 4). В ней за дореволюционный и советский периоды осело на постоянное жительство примерно одинаковое число переселенцев, в городах же две трети – в период с 1917 г. И темпы процесса постоянно ускорялись. Люди переселялись в города даже во время гражданской войны, причем в относительно больших масштабах: в 1917–1920 гг. городскими новоселами стали 91 715 чел. После окончания войны объемы миграций увеличивались стремительно. В 1921–1923 гг. в городах осели 110 566 чел., в 1924 г. – 52 099, в 1925 г. – 63 837, в 1926 г. – 95 738 чел., а всего за 10 лет – 413 955 чел. – 36,6 % от численности жителей в момент переписи¹⁷. Таким образом, в середине 1920-х гг. более трети населения сибирских городов составляли новоселы советского периода, в большинстве внешние переселенцы, рожденные в деревне. Наибольшее число неместных уроженцев перепись учла в городах Новосибирского, Омского, Иркутского, Томского и Барнаульского округов. По темпам прироста числа горожан – 150,9 % за 1921–1926 гг. – выделялся Кузнецкий округ.

Таблица 4

Количество и время поселения неместных уроженцев в городах Сибирского края, в %

Показатель	Год поселения										
	1926	1925	1924	1921–1923	1917–1920	1914–1916	1907–1913	1897–1906	до 1897	не указано	итого
Всего	14,8	9,8	8,0	17,1	14,1	7,2	9,8	8,4	5,7	5,1	100,0
За год в среднем	14,8	9,8	8,0	5,7	3,5	2,4	1,4	0,8	–	–	–

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 60.

Уроженцы сибирских городов и жившие в них переселенцы имели разные демографические характеристики. Среди местных уроженцев преобладали женщины, составлявшие 52,2 %. У переселенцев было почти полное равновесие полов – 49,4 % мужчин и 50,6 % женщин¹⁸. Более интересен состав этих двух категорий горожан по возрасту, он ярче иллюстрирует характер переселенческого общества. Если сравнить структуры местных и неместных уроженцев и результат их смешивания – городское население края в целом, то видно, как сильно они различаются (табл. 5). Местные уроженцы (группа 1) сохраняли в себе демографические черты традиционного общества – многодетного и молодого. Дети в возрасте 0–14 лет составляли больше половины – 58,7 %, как и в деревнях края. Стариков было лишь 2,2 %, в том числе 1,5 % в возрасте 60–69 лет, 0,7 % – 70 лет и старше. У неместных уроженцев (группа 2) доля детей 0–14-летнего возраста была очень низкой – 17,1 %. Значит, в города переезжали в большинстве люди малолетние или бездетные. Действительно, на 149 028 женщин-переселенцев в возрасте 20–39 лет приходилось лишь 118 965 детей неместных уроженцев, в среднем по 0,8 ребенка на каждую. Такой низкой рождаемости не могло быть в принципе. Просто остальные дети у них появлялись в городах, но уже как местные уроженцы. Переселенцы в городах в основном взрослые люди, причем молодые. Так, 20–29-летние составляли в их общей массе 26,8 %, 30–39-летние – 18,5 %, 40–49-летние – 13,1 %, 50–59-летние – 7,5 %. Доля старших поколений (60 лет и более) – 6,7 % – была втрое выше, чем у местных уроженцев.

Данные табл. 5 показывают, насколько присутствие большого числа переселенцев скорректировало возрастной состав всего населения городов (группа 3) и каким в результате был демографический облик городского переселенческого общества в Сибири в середине 1920-х гг. Видно, что оно оставалось молодым, лица старше 60 лет составляла в нем 4,9 %. Но младшие поколения уже были не очень многочисленными. По-видимому, переселенцы, привозившие с собой мало детей, ненамного увеличивали их количество рожденьями на новом месте. Удельный вес детей от 0 до 14 лет составлял в городском населении только

¹⁷ Рассчитано по тем же данным, табл. 5.

¹⁸ Рассчитано по тем же данным.

32,9 % (против 42,4 % в сельском) и был даже ниже, чем поколений их «родителей» в возрасте от 20 до 39 лет (35,9 %). Для демографического роста сибирских городов такого количества детей было очень мало. Зато трудоспособный контингент (лица от 15 до 60 лет) включал 62,2 % горожан, причем три четверти их были моложе 40 лет. Такая структура была идеальной для того периода – от городского населения требовались в первую очередь рабочие руки.

Таблица 5

Возрастной состав городского населения Сибирского края в 1926 г., в %

Группа	Возраст, лет									
	0–4	5–9	10–14	15–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70 и старше
1	28,1	15,8	14,8	12,5	13,4	6,7	4,2	2,3	1,5	0,7
2	4,2	5,2	7,7	10,3	26,8	18,5	13,1	7,5	4,5	2,2
3	13,0	9,5	10,4	11,1	21,8	14,1	9,7	5,5	3,4	1,5

Примечание: 1 – местные уроженцы; 2 – неместные уроженцы; 3 – все городское население.

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL... С. 70.

Переселенцы в силу своей относительной многочисленности не только являлись основным источником роста населения и трудовых ресурсов в городах Сибири. Они вообще, по-видимому, играли решающую роль во всех сферах городской жизни, поскольку абсолютно преобладали во взрослых возрастах. Среди 20–29-летних горожан они составляли 75,9 %, среди 30–39-летних – 80,9 %, 40–49-летних – 83,0 %, 50–59-летних – 83,1 %, 60–69-летних – 82,6 %, 70-летних и старше – 82,3 %¹⁹. Возникает вопрос: насколько быстро и прочно в таких демографических условиях укоренялось пришлое население и «осибиричилось» ли оно? Приобретало ли новые для себя привычки, новые черты культуры и меняло ли при этом радикально старые? Или «пришельцы», будучи на две трети внешними переселенцами, трансплантировали привычный им уклад жизни, хозяйственные практики и традиции, модели социальной организации в принимающий социум?

Заключение. В статье прослежены общие тенденции процесса формирования переселенческого общества Сибири на протяжении полувека и его результаты. Реконструированы основные социально-демографические черты облика сибирского социума «на старте» сталинской модернизации как ее субъекта. Использование итогов переписи 1926 г. для изучения сибирского общества как переселенческого позволило увидеть много характеристик, которые до этого оставались вне исследовательского фокуса, конкретизировать ряд моментов в рассматриваемых процессах, уточнить оценки и лишний раз подтвердить его переселенческий характер. Однако при всем обилии измерений и приведенных точных параметров процессов и структур нельзя сказать, что объект изучения – сибирское общество, а точнее, его основа в лице населения – в статье предстал «как живой». Строго говоря, создан только «скелет» переселенческого общества Сибири. А та информация, что может составить его «живую плоть», остается нетронутой. Между тем итоги переписи позволяют дать развернутые характеристики семейно-брачных отношений начиная с оценки их роли в воспроизводстве населения, но не только, оценить состояние здоровья и реконструировать национальный состав переселенцев и местных уроженцев, их основные социальные и экономические структуры отдельно по городам и сельской местности. Очевидно, что на гигантской территории Сибири общество не могло быть повсюду однообразным. Значит, надо изучать его особенности и определяющие их факторы в разрезе округов. Результаты переписи позволяют сделать это. Без этой информации облик переселенческого общества Сибири получается упрощенным и, не исключено, в чем-то искаженным. Например, нельзя судить о роли переселенцев в обществе только по их удельному весу в населении. Куда важнее в данном случае экономические характеристики, и они в переписи имеются. Таким образом,

¹⁹ Рассчитано по данным табл. 5.

стратегия и тактика дальнейшего исследования темы ясны. Материалы переписи населения 1926 г. необходимо, наконец, полностью ввести в научный оборот. Ее информационный потенциал того заслуживает.

Литература

Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.

Бреславский А.С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 92–99.

Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.

Гузей Я.С. «Желтые народы» во взглядах русского православного духовенства в конце XIX – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 108–116.

Дегтярев Д.С. Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). 100–107.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2017. 238 с.

Дерига Е.С. Культурная гетерогенность или конфликт культур? К вопросу об интеграции учащейся молодежи из ближнего зарубежья в местное сообщество // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 128–136.

Дятлов В.И., Григоричев К.В. Принимающее общество и трансграничные мигранты // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 88–91.

Жиromская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. 2-е изд., стер. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 199 с.

Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 278 с.

Зуляр Ю.А., Медведев Г.И. Параметры и тенденции зарубежных миграций начала XXI в. в Прибайкалье // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 75–87.

Кривилева О.Г. Мультикультурализм в европейском кино: стихийный процесс или политический заказ? // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 137–144.

Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2012. 463 с.

Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011. 391 с.

Михалев А.В. Из Сибири в Монголию, или русские как меньшинство в условиях социалистической модернизации // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 117–127.

Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 168 с.

Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н.Я. Гуцин, В.А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 171 с.

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. I: 1900–1939. 463 с.

Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.

Соболева С.В., Григорьев Ю.А., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Особенности формирования населения приграничных территорий Сибири // ЭКО. 2014. № 11. С. 20–35.

Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. 396 с.

Хозяйственное освоение и социально-демографические процессы в Сибири в XX – начале XXI в. / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. 256 с.

References

Andreev, E.M. (2012). O tochnosti rezul'tatov rossiyskikh perepisey naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On the Accuracy of the Results of Russian Population Censuses and the degree of Trust in Different Sources of Information]. In *Voprosy statistiki*. No. 11, pp. 21–35.

Breslavsky, A.S. (2012). Prigorody Ulan-Ude v migratsionnykh protsessakh postsovetskoй Buryatii: transformatsiya poseleniy i mestnykh soobshchestv [The Suburbs of Ulan-Ude in the Migration Processes of Post-Soviet Buryatia: The Transformation of Settlements and Local Communities]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 92–99.

Degtyarev, D.S. (2012). Osnovnye ob'ekty prigorodnoy zony Tomskа vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv., ikh tipy i funktsii [The Main Objects of the Suburban Zone of Tomsk in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries, Their Types and Functions]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 100–107.

Deriga, E.S. (2012). Kul'turnaya geterogennost' ili konflikt kul'tur? K voprosu ob integratsii uchashcheysya molodezhi iz blizhnego zarubezh'ya v mestnoe soobshchestvo [Cultural Heterogeneity or Culture Conflict? On the Issue of Integrating Students from Neighboring Countries into the Local Community]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 128–136.

Dyatlov, V.I. (Ed.). (2009). *Transgranichnye migratsii i primayushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoy adaptatsii* [Cross-Border Migrations and the Host Society: Mechanisms and Practices of Mutual Adaptation]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 396 p.

Dyatlov, V.I. (Ed.). (2011). *Vostok Rossii: migratsii i diasporы v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [The East of Russia: Migrations and Diasporas in a Migrant Society. The Boundaries of the 19th–20th and 20th–21st Centuries]. Irkutsk, Ottisk. 624 p.

Dyatlov, V.I. (Ed.). (2012). *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local Communities, Local Authorities, and Migrants in Siberia at the Turn of the 19th–20th and 20th–21st Centuries]. Irkutsk, Ottisk. 463 p.

Dyatlov, V.I. (Ed.). (2012). *Migranty i primayushchee obshchestvo* [Migrants and the Host Society]. In *Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*. No. 1 (8), pp. 88–144.

Dyatlov, V.I., Grigoriev, K.V. (2012). *Prinimayushchee obshchestvo i transgranichnye migranty* [The Host Society and Cross-Border Migrants]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 88–91.

Dyatlov, V.I., Grigoriev, K.V. (Ed.). (2013). *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Migration Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities]. Irkutsk, Ottisk. 624 p.

Gushchin, N.Ya., Isupov, V.A. (Ed.). (1997). *Naselenie Zapadnoy Sibiri v XX veke* [The Population of Western Siberia in the 20th Century]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 171 p.

Guzey, Ya.S. (2012). “Zheltye narody” vo vzglyadakh russkogo pravoslavnogo dukhovenstva v kontse XIX – nachale XX vv. [“Yellow Peoples” in the Views of the Russian Orthodox Clergy in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 108–116.

Isupov, V.A. (Ed.). (2011). *Migratsiya naseleniya Aziatskoy Rossii: konets XIX – nachalo XXI vv.* [Migration of the Population of Asian Russia: The End of the 19th – Beginning of the 21st Centuries]. Novosibirsk, Parallel. 391 p.

Isupov, V.A. (Ed.). (2017). *Demograficheskaya istoriya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – XX v.)* [Demographic History of Western Siberia (Late 19th – 20th Centuries)]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 238 p.

Krivileva, O.G. (2012). Mul'tikul'turalizm v evropeyskom kino: stikhiynny protsess ili politicheskii zakaz? [Multiculturalism in European Cinema: A Spontaneous Process or a Political Order?]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 137–144.

Zulyar, Yu.A., Medvedev, G.I. (2012). Parametry i tendentsii zarubezhnykh migratsiy nachala XXI v. v Pribaykal'e [Parameters and Trends of Foreign Migrations at the Beginning of the XXI Century. In the Baikal Region]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 75–87.

Lamin, V.A. (Ed.). (2012). *Khozyaystvennoe osvoenie i sotsial'no-demograficheskie protsessy v Sibiri v XX – nachale XXI v.* [Economic Development and Socio-Demographic Processes in Siberia in the 20th – Beginning of the 21st Century]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 256 p.

Mikhalev, A.V. (2012). Iz Sibiri v Mongoliyu, ili russkie kak men'shinstvo v usloviyakh sotsialisticheskoy modernizatsii [From Siberia to Mongolia, or Russians as a Minority in Conditions of Socialist Modernization]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 117–127.

Moskovskiy, A.S., Isupov, V.A. (1984). *Formirovanie gorodskogo naseleniya Sibiri (1926 – 1939 gg.)* [Formation of the Urban Population of Siberia (1926–1939)]. Novosibirsk, Nauka. 168 p.

Polyakov, Yu.A. (Ed.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki: v 3 tomakh. Tom 1: 1900–1939* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays. In 3 Vol. Vol. 1: 1900–1939]. Moscow, ROSSPEN. 463 p.

Soboleva, S.V., Grigor'ev, Yu.A., Smirnova, N.E., Chudayeva, O.V. (2014). Osobennosti formirovaniya naseleniya prigranichnykh territoriy Sibiri [Features of the Formation of the Population of the Border Territories of Siberia]. In *ECO*. No. 11, pp. 20–35.

Zhiromskaya, V.B. (2019). *Posle revolyutsionnykh bur': Naselenie Rossii v seredine 20-kh godov* [After the Revolutionary Storms: The Population of Russia in the Mid-20s]. 2nd ed., reprinted. Moscow, Berlin, Direct-Media. 199 p.

Zulyar, Yu.A., Medvedev, G.I. (2012). Parametry i tendentsii zarubezhnykh migratsiy nachala XXI v. v Pribaykal'e [Parameters and Trends of Foreign Migrations at the Beginning of the XXI Century. In the Baikal Region]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 1 (8), pp. 75–87.

Zverev, V.A. (2014). *Lyudi detnye: vosproizvodstvo naseleniya sibirskoy derevni v kontse imperskogo perioda* [People with Children: Reproduction of the Siberian Village Population at the End of the Imperial Period]. 2nd ed., corrected and enlarged. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGPU. 278 p.